

УДК 821.111(73).09(043.3)

UDC 821.111(73).09(043.3)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ХОЛОКОСТА СРЕДСТВАМИ МЕТАПРОЗЫ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Ф. РОТА «ОПЕРАЦИЯ «ШЕЙЛОК». ПРИЗНАНИЕ»)

ARTISTIC INTERPRETATION OF THE HOLOCAUST BY MEANS OF METAFICTION IN F. ROTH'S «OPERATION «SHYLOCK»: A CONFESSION

А. В. Нанос,
аспирант кафедры
мировой литературы
ПГУ им. Евфросинии Полоцкой

A. Nanos,
postgraduate student of the Department
of World Literature of PSU named
after. Euphrosyne of Polotsk

Поступила в редакцию 13.12.2023.

Received on 13.12.2023.

В статье рассматривается своеобразие репрезентации темы Холокоста в романе Филипа Рота «Операция «Шейлок». Признание». В ходе исследования определен отличительный подход автора в сравнении с другими писателями, в творчестве которых имеются произведения, посвященные геноциду еврейского народа. Выявлено, что для реализации своей повествовательной стратегии Ф. Рот использует художественно-повествовательные средства метапрозы. Продемонстрировано, как с помощью этих средств американский романист осмысливает трагедию, а также демонстрирует свой взгляд на события прошлого и их влияние на современность.

Ключевые слова: Филип Рот; Холокост; метапроза; американская еврейская литература; интертекстуальность; автобиографичность; художественная рефлексия

The article deals with the peculiarity of representation of the Holocaust theme in Philip Roth's novel «Operation Shylock. A Confession». The author's distinctive approach is defined in comparison with other writers, whose works are devoted to the genocide of the Jewish people. The study reveals that to realize this approach, Roth uses artistic and narrative means of metafiction. It is demonstrated how with the help of these means the American writer comprehends the tragedy, as well as demonstrates his view on the events of the past and their impact on modernity.

Keywords: Philip Roth; Holocaust; metafiction; American Jewish literature; intertextuality; autobiography; self-reflection

Введение. События Второй мировой войны и Холокоста в частности нашли глубокое отражение в еврейской литературе¹. Их интерпретация наблюдается не только в творчестве европейских еврейских писателей, переживших ужасы концентрационных лагерей (А. Аппельфельд, П. Леви, Э. Визель), но и в творчестве еврейских романистов, которым удалось избежать преследований. Многообразие произведений на данную тематику отличается американская еврейская литература, представленная плеядой знаменитых писателей. Это два лауреата Нобелевской премии – С. Беллоу (*Saul Bellow*, 1915–2005) и И. Башевис-Зингер (*Isaac Bashevis Singer*, 1902–1991), а также такие известные авторы, как Б. Малламуд (*Bernard Malamud*, 1914–1986), С. Озик (*Cynthia Shoshana Ozick*, род. 1928), Х. Поток (*Chaim Potok*, 1929–2002), Э. Л. Уоллант (*Edward Lewis Wallant*, 1926–1962) и др.

Изучению Холокоста в американской еврейской литературе, в том числе и вышеназванных писателей, посвящена книга С. Лириан Кремер «Стать очевидцем через воображение: американская еврейская литература о Холокосте» [2 – здесь и далее перевод наш – А. Н.]. Данная работа дает обширное представление

о темах, типологии персонажей и стилистических средствах, используемых в романах о геноциде евреев. Вместе с тем в ней не анализируется творчество Филипа Рота (*Philip Roth*, 1933–2018).

Возможно, это связано с тем, что тема Холокоста не является магистральной в произведениях писателя. Однако в той или иной степени ее отголоски слышны в большинстве его книг и наиболее отчетливо – в романе «Операция «Шейлок». Признание» (*Operation Shylock: A Confession*, 1993) [3]. Как отмечает С. Миловиц в работе «Филип Рот крупным планом», до появления «Операции «Шейлок»» критики (Д. МакДэниэл, Б. Роджерс, Ю. Патерсон) не обращали внимания на эту составляющую книг Ф. Рота. По большей части они фокусировались на таких темах, как стремление писателя уйти от своих еврейских корней, соотношение реального и вымышленного в литературе, поиск идентичности. Рассмотрение темы Холокоста в творчестве Рота начинается с 1990 г. с появлением исследований М. Бумгартена «Осмысливая Филипа Рота» и А. Купера «Филип Рот и евреи» [4]. Отмечая вклад ученых в исследование новой грани творчества американского романиста, С. Миловиц пытается не просто выявить и описать фрагменты романов, посвященные Холокосту, но объединить их в одно целое и показать, как, по мнению Ф. Рота, геноцид евреев повлиял на современную жизнь в Америке.

Иной позиции придерживается американский исследователь литературы и истории М. Ротберг. В эссе «Рот и Холокост» ученый выдвигает идею, что Филип Рот обращает основное внимание не на то, как Холокост повлиял на современную амери-

¹ Вопрос отнесения того или иного автора к еврейской литературе остается дискуссионным. Подробно данную тему исследует О. Карасик-Апдайк (статья «Современная еврейская проза США», 2021). Опираясь на мнение критиков и литературоведов (Э. Бадик, Л. Фидлер, Г. Блум), автор приходит к выводу, что к еврейской литературе относятся писатели, в чьих произведениях наблюдается «художественное воплощение собственного еврейского опыта и идентичности ... взгляд "изнутри", с точки зрения коллективной памяти и сопряченности истории и культуре» [1, с. 100].

канскую действительность, а на непреодолимую пропасть между жизнью евреев в Америке и трагедией еврейского населения в Европе [5, р. 53]. Стоит отметить работу Э. Фурмана «Неизбежность Холокоста в творчестве Филипа Рота», в которой исследуется проблема памяти о Холокосте на примере рассказа «Эли-изувер» (*Eli, the fanatic*, 1959), а также романов «Другая жизнь» (*The Counterlife*, 1989) и «Операция “Шейлок”. Признание» [6]. В российском литературоведении творчество Ф. Рота изучает О. Карасик-Апдайк. В монографии «Еврейская литература США на рубеже XX–XXI вв.: в поисках идентичности» исследовательница отмечает, что тема Холокоста так или иначе затрагивается в большинстве произведений писателя, а «Операция “Шейлок”. Признание» становится одним из первых американских еврейских романов, действие которого полностью перенесено в Израиль [7, с. 29].

Исследование романа «Операция “Шейлок”. Признание» было начато нами в статье ««Операция “Шейлок”. Признание» Филипа Рота как метароман» [8]. В ней выделены и проанализированы художественно-повествовательные характеристики (рефлексия над текстом, интертекстуальность, автобиографичность, историографичность, фрагментарность сюжета), которые позволяют отнести произведение к метароману. В то же время в рамках одной работы оказалось проблематичным уделить должное внимание основным темам произведения, в т. ч. теме Холокоста и его влияния на жизнь евреев в современных условиях.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать особенности репрезентации темы геноцида евреев в романе «Операция “Шейлок”. Признание» с помощью средств метапрозы, выявить отличительные черты повествовательной стратегии Рота в сравнении с другими авторами, писавшими о Холокосте, а также понять взгляд автора на события прошлого и их влияние на настоящее и будущее. Иной ракурс исследования определяет выбор источников: автором использованы не только работы о метапрозе, но также монографии и статьи, посвященные изучению темы Холокоста в еврейской литературе США, в т. ч. в творчестве Филипа Рота.

Основная часть. В монографии «Стать очевидцем через воображение: американская еврейская литература о Холокосте» С. Лилиан Кремер приходит к выводу, что в основном американская еврейская литература отличается реалистичным ретроспективным повествованием. Главными героями романов становятся жертвы нацистов, а основными сюжетными линиями – выживание в концентрационных лагерях и в условиях преследований, а также неспособность уцелевших обустроить жизнь в послевоенное время [2, р. 20].

Иной подход в освещении событий Холокоста выбирает Ф. Рот. Главные герои его произведений не столкнулись с геноцидом, события романов, как правило, происходят не в прошлом, а в настоящее время, а для создания вымышленных миров используются не только средства литературы реализма. Так, в романе «Операция “Шейлок”. Признание» Ф. Рот обращается к постмодернистской игре и использует разнообразные средства метапрозаического повествования.

Исследованию метапрозы посвящены труды как зарубежных (Л. Хатчен, П. Во, Ж. Женетт, И. Кристенсен и др.), так и русскоязычных (М. Липовецкий, Д. Сегал, Ю. Лотман, В. Зусева-Озкан) литературоведов. Давая определение феномену, ученые отмечают, что отличительной чертой метапрозы является рефлексия над процессом писательского творчества. Саморефлексия манифестирует искусственную природу художественного произведения, поднимая тем самым вопрос о соотношении между реальностью и вымыслом.

Как отмечает американская исследовательница метапрозы П. Во, реальность и история условны. Любой, кто пытается «изобразить» реальность, вскоре обнаруживает, что это сделать невозможно. Единственное, что возможно – представить дискурсивную картину мира [9, р. 4]. Метапроза активно использует эту идею и намеренно обнажает свою вымышленную природу, что дает Роту большую свободу в интерпретации событий Холокоста. Изначально обозначив свой роман вымыслом, писатель избегает риска оказаться неправдоподобным при освещении трагических событий военного времени. Скорее наоборот, использование основной смысловой доминанты метапрозы – противоречивое тождество реальности и вымысла – позволяет ему органично переплести факты и игру воображения.

Выстраивание оппозиции «жизнь и искусство» Ф. Рот начинает с включения в сюжет романа «Операция “Шейлок”. Признание» фактов собственной биографии. Идеей для написания книги послужила поездка писателя в Израиль для интервьюирования Аарона Аппельфельда – еврейского писателя, спасшегося от преследований нацистов в годы войны. В Израиле Ф. Рот попадает на судебное заседание по делу предполагаемого военного преступника Джона Демьянюка. Именно присутствие на этом суде во многом подтолкнуло писателя к созданию романа: «Я был полностью захвачен: сидеть так близко к этому человеку было поразительно, сидеть так близко к его жертвам было поразительно... Итак, я написал эту книгу по своим воспоминаниям, и она имеет отношение не только к Демьянюку, но и ко всем ... другим еврейским угрозам, призракам, фантомам и воспоминаниям»¹ [10].

Суд, в процессе которого пытаются установить личность Демьянюка, позволяет отчетливо проследить стирание грани между миром реальности и миром воображения. С одной стороны, судебное заседание органично вплетено в канву произведения и становится основой для развития многих сюжетных линий, включая противостояние романного Филипа и узурпировавшего его личность двойника (в романе оба носят имя Филип Рот). С другой стороны, еще в начале произведения автор пытается выделить это событие из вымышленного мира, акцентировав внимание читателя на фактологической точности. В предисловии Филип-рассказчик описывает, как посещал судебные слушания, комментирует позиции стороны защиты и стороны об-

¹ And I was riveted; to be sitting so close to this man was an astonishing thing, to be sitting so close to his victims was an... his alleged victims, was an astonishing thing... So I wrote this book which has everything to do, as I remember it, with not just Demjanjuk, but with all... with other Jewish menaces and ghosts and phantoms and memories [10].

винения, а в конце добавляет: «На момент, когда я пишу эти строки, Верховный суд все еще рассматривает апелляцию»¹ [3, с. 11].

Использование сюжетной линии с Джоном Демьянюком также позволяет Ф. Роту обратиться к трагическим событиям прошлого. Чтобы органично связать их с настоящим, писатель обращается к фрагментарной структуре сюжета и создает различные пласты повествования. Один из них представляет собой описание жизни в концентрационном лагере Треблинка, в котором Демьянюк предположительно работал охранником газовой камеры. Опираясь на показания выживших узников, Ф. Рот рисует перед читателями картину жестокой расправы над евреями. Однако повествуя о пытках и издевательствах, автор не настаивает на полной достоверности и дает понять, что описывает подобные эпизоды с субъективной точки зрения. И подобная художественная обработка лишь способствует лучшему пониманию событий. Как отмечает Т. Комаровская («Проблемы поэтики исторического романа США XX», 2003), одухотворяя факты, вымысел способствует раскрытию мысли автора, а также помогает понять скрытые социальные и психологические мотивы исторических персонажей [12, с. 26].

Повествование о военном периоде перемежается описанием современных автору событий, где Демьянюк предстает совершенно другим человеком. В нем невозможно узнать работника концлагеря, получившего за свою жестокость прозвище «Иван Грозный». Бежав после войны в США, он придумал себе другое «я» – превратился в рядового американца, законопослушного гражданина, любящего мужа и отца. Композиция с временными переходами ярко демонстрирует контрастность метаморфоз в жизни Демьянюка, а также позволяет Роту-автору еще раз сделать акцент на вопросе соотношения между фактом и вымыслом.

Стоит отметить, что события современности в романе разворачиваются в Израиле. Многие американские еврейские писатели обращаются к теме существования еврейского государства, однако сам образ страны появляется в их произведениях нечасто [7, с. 27–28]. С. Беллоу, И. Башевис-Зингер, Д. Стайнер, Р. Эллманн лишь частично переносят сюжет своих романов в Израиль, и делают это главным образом для того, чтобы провести параллели между нацистской и арабской антиеврейской риторикой. При этом они с гордостью противопоставляют израильскую военную напористость исторической пассивности европейской еврейской диаспоры перед лицом антисемитизма [2, р. 22].

Ф. Рот был одним из первых, кто полностью перенес действие своего романа в Израиль. Однако в «Операции “Шейлок”» еврейское государство предстает далеко не как «Земля обетованная», воплощение победы справедливости. Сюжет произведения разворачивается на фоне обострения арабо-израильского конфликта (Первая палестинская интифада: 1987–1991 гг.), который автор использует, чтобы подчеркнуть сложивши-

еся в стране противоречия: «В этой книге я путешествую по Израилю, стране, где вся жизнь – яростный спор, где повсеместно идет борьба» [13, с. 485].

Ф. Рот видит причины сложившегося кризиса в несовершенстве идеи сионизма, а также в том, что трагические события Второй мировой войны до сих пор живы в коллективной памяти евреев. Как и С. Беллоу, И. Башевис-Зингер, Д. Стайнер или Р. Эллманн, он обращает внимание на антисемитскую арабскую политику. В то же время политическая линия Израиля также не находит у Ф. Рота поддержки – писатель даже выражает опасение, что государство эксплуатирует трагедию в своих завоевательных целях. Двойник романного Филипа уверен, что «после Холокоста Израиль был еврейской больницей, где евреи могли постепенно выздоравливать после ужасов и обезчеловечивания»² [3, с. 59]. Однако с течением времени государство перестало отвечать интересам евреев и превратилось в угрозу их существованию.

Переплетение в сюжете исторических фактов и вымысла позволяет отнести «Операцию “Шейлок”» не просто к метароману, а к историографическому метароману. Термин был введен Л. Хатчен в работе «Поэтика постмодернизма». Осмысливая феномен, канадская исследовательница обращает внимание на то, что в отличие от исторического романа, в основе которого лежит представление о целостности истории, возможности ее познания и правдивого описания, историографический метароман ставит подобную возможность под сомнение. Отличаясь саморефлексивностью, такой роман предлагает множество интерпретаций историй и подчеркивает значимость оппозиции «исторический факт – художественный вымысел». В таком произведении можно наблюдать, как создается и одновременно стирается грань между реальностью и фантазией [14, р. 113].

Как и любой метароман, «Операция “Шейлок”». Признание отличается богатой интертекстуальностью (аллюзии на шекспировского Шейлока, отсылки к Достоевскому, цитирование Кьеркегора и др.). Есть в произведении и элемент, который позволяет углубиться в тему Холокоста, а точнее – тему судьбы человека, пережившего Холокост. Это интервью Ф. Рота с еврейским писателем Аароном Аппельфельдом, представленное в романе в трех частях. Первую часть Ф. Рот органично вплетает в сюжет, описывая свою запланированную встречу в Израиле с Аппельфельдом. Диалог между двумя писателями завершается репликой романного Филипа: «Смотри-ка, – и я достал из кармана пиджака листок бумаги, на которой написал свой первый вопрос к Аарону, – давай начнем работать»³ [3, с. 82]. Перед вопросом Ф. Рот вставляет фразу: «Вот что я написал: ...»⁴ [3, с. 82]. Ответ Аппельфельда также становится частью сюжетной линии: «Поздним вечером, перед сном, Аарон сформули-

² In the aftermath of the Holocaust, Israel was the Jewish hospital in which Jews could begin to recover from the devastation of that horror [11].

³ Look — and from my jacket pocket I took the sheet of paper on which I'd typed out for him my opening question — “let's start,” I said [11].

⁴ I'd written: ...[11].

¹ As of this date, the Supreme Court is still deliberating the appeal [11].

ровал по-своему то, что объяснял мне в ресторане... Насчет Кафки и себя он сказал: ...»¹ [3, с. 82].

Вторую часть интервью Ф. Рот публикует целиком, попутно комментируя процесс работы: «Сосредоточься на работе! На основе нашего долгого разговора за обедом мы с Аароном смогли перенести на бумагу второй кусок интервью»² [3, с. 133]. Подобным образом вставлена и третья часть интервью за исключением того, что автор больше не делает подводки для того, чтобы вставить свой диалог с Аппельфельдом. Диалог двух писателей прерывает сюжет романа, заставляя читателя «покинуть» вымышленный мир и в очередной раз осознать, что перед ним художественное произведение.

Опубликованная беседа позволяет Ф. Роту не только рассказать историю пережившего тяготы войны человека, но и поднять вопрос влияния Холокоста на писательское творчество. Тяжелый жизненный опыт Аппельфельда, который ребенком бежал из нацистского трудового лагеря, так или иначе отражен в его книгах. Хотя сам он признает, что никогда не был верен историческим фактам. По мнению Аппельфельда, мир художественного

произведения более рационален, чем реальный мир. В нем требуются причинно-следственные связи, а всё необычайное допустимо, если является элементом структуры. Реальные события и, особенно, события Холокоста были настолько невероятны и необъяснимы, что их было невозможно описать правдоподобно: «Реальность Холокоста превзошла даже самое богатое воображение. Если бы я хранил верность фактам, мне бы никто не поверил»³ [3, с. 137].

Заключение. В романе «Операция «Шейлок»». Признание американского писателя Филипа Рота можно выделить следующие особенности репрезентации темы Холокоста. Во-первых, автор не использует ретроспективный подход (события прошлого представлены лишь эпизодически) и описывает трагические события Второй мировой войны с позиции настоящего времени. Во-вторых, для осмысления трагедии еврейского народа Ф. Рот прибегает к использованию средств метапрозы. Так, саморефлексия позволяет ему переплести в романе факты и игру воображения. Используя фрагментарную структуру сюжета, писатель создает различные пласты повествования, связывает прошлое с настоящим. С помощью интертекстуальности он более глубоко исследует тему судьбы человека, пережившего Холокост, а также проблему отражения трагедии в художественной литературе.

¹ Later in the evening, before he went to bed, Aharon reformulated what he'd explained at the restaurant and typed out an answer in Hebrew to give to the translator the next day. Speaking of Kafka and himself, he said... [10].

² Stick to the task! Out of the long lunchtime conversation, Aharon and I were able to compose, in writing, the next segment of our exchange [11].

³ The reality of the Holocaust surpassed any imagination. If I remained true to the facts, no one would believe me [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик-Апдайк, О. Б. Современная еврейская проза США [Электронный ресурс] / О. Б. Карасик-Апдайк // Литература двух Америк. – 2021. – № 10. – С. 100–134. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-100-134>. – Дата доступа: 29.11.2023.
2. Kremer, S. L. Witness Through the Imagination: Jewish American Holocaust Literature [Electronic resource] / S. L. Kremer. – Detroit ; Wayne State University Press, 2018. – 392 p. – Mode of access: <https://clck.ru/36rAWB>. – Date of access: 29.11.2023.
3. Рот, Ф. Операция «Шейлок». Признание: Роман / Ф. Рот; Пер. с англ. С. Силаковой. – М.: Книжники, 2018. – 685 [3] с.
4. Milowitz, S. Philip Roth Considered: The Concentratory Universe of the American Writer [Electronic resource]. / S. Milowitz. – New York; Grand Publishing, Inc., 2000 – 213 p. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=VeLzm38z7RoC&prin>. – Date of access: 29.11.2023.
5. Rothberg, M. Roth and the Holocaust [Electronic resource]. / M. Rothberg // The Cambridge Companion to Philip Roth ; edited by T. Parrish. – Cambridge University Press, 2007. – Ch. 4. – P. 52-67. – Mode of access: https://www.academia.edu/26443891/Roth_and_the_Holocaust. – Date of access: 29.11.2023.
6. Furman, A. (1993). The Ineluctable Holocaust in the Fiction of Philip Roth [Electronic resource] / A. Furman // Studies in American Jewish Literature, 1981. – 12. P. 109–121. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/41206183?read-now=1#page_scan_tab_contents. – Date of access: 11.10.2023.
7. Карасик, О. Б. Еврейская литература США на рубеже XX–XXI веков: в поисках идентичности: монография [Электронный ресурс] / О. Б. Карасик. – Казань: РИЦ «Школа», 2015. – 308 с. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-100-134>. – Дата доступа: 29.11.2023.

REFERENCES

1. Karasik-Apdajk, O. B. Sovremennaya evrejskaya proza SShA [Elektronnyj resurs] / O. B. Karasik-Apdajk // Literatura dvuh Amerik. – 2021. – № 10. – S. 100–134. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-100-134>. – Data dostupa: 29.11.2023.
2. Kremer, S. L. Witness Through the Imagination: Jewish American Holocaust Literature [Electronic resource] / S. L. Kremer. – Detroit ; Wayne State University Press, 2018. – 392 p. – Mode of access: <https://clck.ru/36rAWB>. – Date of access: 29.11.2023.
3. Rot, F. Operaciya «Shejlok». Priznanie: Roman / F. Rot; Per. s angl. S. Silakovoj. – M.: Knizhniki, 2018. – 685 [3] s.
4. Milowitz, S. Philip Roth Considered: The Concentratory Universe of the American Writer [Electronic resource]. / S. Milowitz. – New York; Grand Publishing, Inc., 2000 – 213 p. – Mode of access: <https://books.google.ru/books?id=VeLzm38z7RoC&prin>. – Date of access: 29.11.2023.
5. Rothberg, M. Roth and the Holocaust [Electronic resource]. / M. Rothberg // The Cambridge Companion to Philip Roth ; edited by T. Parrish. – Cambridge University Press, 2007. – Ch. 4. – P. 52-67. – Mode of access: https://www.academia.edu/26443891/Roth_and_the_Holocaust. – Date of access: 29.11.2023.
6. Furman, A. (1993). The Ineluctable Holocaust in the Fiction of Philip Roth [Electronic resource] / A. Furman // Studies in American Jewish Literature, 1981. – 12. P. 109–121. – Mode of access: https://www.jstor.org/stable/41206183?read-now=1#page_scan_tab_contents. – Date of access: 11.10.2023.
7. Karasik, O. B. Evrejskaya literatura SShA na rubezhe XX–XXI vekov: v poiskah identichnosti: monografiya [Elektronnyj resurs] / O. B. Karasik. – Kazan': RIC «Shkola», 2015. – 308 s. – Rezhim dostupa: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-10-100-134>. – Data dostupa: 29.11.2023.

8. Нанос, А. В. «Операция “Шейлок”. Признание» Филипа Рота как метароман / А. В. Нанос // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 111–117.
  9. *Waugh, P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction* / P. Waugh – L.; N.Y.: Routledge, 1984. – 219 p.
  10. *Roth, F. Israel and Operation Shylock* [Electronic resource] / F. Roth // Web of stories. – Mode of access: <https://www.webofstories.com/play/philip.roth/23>. – Date of access: 25.03.2023.
  11. *Roth, Ph. Operation Shylock: a Confession* [Electronic resource] / Ph. Roth. – Mode of access: <https://www.you-books.com/book/P-Roth/Operation-Shylock>. – Date of access: 20.02.2023.
  12. Комаровская, Т. Е. Проблемы поэтики исторического романа США XX века [Электронный ресурс] / Т. Е. Комаровская. – Минск: БГПУ, 2003. – 124 с. – Режим доступа: <http://elib.bspu.by/handle/doc/2212>. – Дата доступа: 29.11.2023.
  13. Рот, Ф. Зачем писать? Авторская коллекция избранных эссе и бесед / Ф. Рот; пер. с англ. Олега Алякринского. – М.: ИД Книжники, 2021. – 552 с.
  14. *Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction* / L. Hutcheon. – New York : Routledge, 1988. – P. XIII – 268 c.
8. *Nanos, A. V. «Operaciya “Shejlok”. Priznanie» Filipa Rota kak metaroman* / A. V. Nanos // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki. – 2022. – № 9. – S. 111–117.
  9. *Waugh, P. Metafiction: The Theory and Practice of Self-Conscious Fiction*. / P. Waugh – L.; N.Y.: Routledge, 1984. – 219 r.
  10. *Roth, F. Israel and Operation Shylock* [Electronic resource] / F. Roth // Web of stories. – Mode of access: <https://www.webofstories.com/play/philip.roth/23>. – Date of access: 25.03.2023.
  11. *Roth, Ph. Operation Shylock: a Confession* [Electronic resource] / Ph. Roth. – Mode of access: <https://www.you-books.com/book/P-Roth/Operation-Shylock>. – Date of access: 20.02.2023.
  12. *Komarovskaya, T. E. Problemy poetiki istoricheskogo romana SShA HH veka* [Elektronnyj resurs] / T. E. Komarovskaya. – Minsk: BGPU, 2003. – 124 s. – Rezhim dostupa: <http://elib.bspu.by/handle/doc/2212>. – Data dostupa: 29.11.2023.
  13. *Rot, F. Zachem pisat'?* Avtorskaya kollekcija izbrannyh esse i besed / F. Rot; per. s angl. Olega Alyakrinskogo. – M.: ID Knizhniki, 2021. – 552 s.
  14. *Hutcheon, L. A Poetics of Postmodernism: History, Theory, Fiction* / L. Hutcheon. – New York : Routledge, 1988. – R. XIII – 268 s.